Digitalization of Opposition Elites in the Political Process of the Middle East States

Denis A. Mirgorod

Pyatigorsk State University. Pyatigorsk, Russia. Email: dennismirgorod[at]gmail.com
ORCID: 0000-0002-0814-918X

Abstract

A distinctive feature of political processes in the Middle East is the systemic absence of an effective internal opposition. This is due to the governance model characteristic of many states in the region, which is based on the increased concentration of power and the strict exclusion of any potentially destabilizing elements. This circumstance explains the predominant activity of opposition forces to act from outside their countries. The sixth information revolution (2005 - present) diversified the opportunities for participation in the political process, saturating it with a network component associated with the active use of various unconventional information resources. The turning point was the "Arab Spring" (2010), after which these groups began to use information resources en masse and with varying degrees of effectiveness to promote their ideas and organize protests, as was the case, for example, in Egypt, Libya, Syria and Turkey. Consequently, today a "digital opposition elite" has formed in the region, which has become an important factor in the political process in the Middle East. Thus, the digitalization of opposition elites in Middle Eastern states is of legitimate scientific research interest in establishing the specifics of the current political life of the region.

Keywords

Political Elites; Digital Elites; Political Process; Political Power; Middle East; Information Technology; Political Crisis

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Цифровизация оппозиционных элит в политическом процессе государств Ближнего Востока

Миргород Денис Александрович

Пятигорский государственный университет. Пятигорск, Россия.
Email: dennismirgorod[at]gmail.com ORCID: 0000-0002-0814-918X

Аннотация

Отличительной чертой политических процессов на Ближнем Востоке является системное отсутствие эффективной внутренней оппозиции. Это обусловлено моделью управления, характерной для многих государств региона, которая зиждется на усиленной концентрации власти и жестком отсечении любых потенциально дестабилизирующих элементов. Данное обстоятельство объясняет преимущественную деятельность оппозиционных сил действовать за пределами своих стран. Шестая информационная революция (2005 г. - н.в.) значительно разнообразила возможности участия в политическом процессе, насытив его сетевым компонентом, связанным с активным использованием различных неконвенциональных информационных ресурсов. Переломным моментом стала «арабская весна» (2010 г.), после которой эти группы начали массово и с разной степенью эффективности использовать информационные ресурсы для продвижения своих идей и организации протестов, как это было, например, в Египте, Ливии, Сирии и Турции. Следовательно, на сегодняшний день в регионе уже оформилась «цифровая оппозиционная элита», которая превратилась в важный фактор политического процесса на Ближнем Востоке. Таким образом, цифровизация оппозиционных элит ближневосточных государств представляет обоснованный научно-исследовательский интерес для установления специфики текущей политической жизни региона.

Ключевые слова

политические элиты; цифровые элиты; политический процесс; политическая власть; Ближний Восток; информационные технологии; политический кризис

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение. Обоснование проблемы исследования

Политический процесс на Ближнем Востоке главным образом характеризуется отсутствием в нем действенных оппозиционных сил, деятельность которых ограничена особенностями функционирования государственной системы различных стран региона. Связано это в первую очередь с тем, что руководства ближневосточных государств придерживаются принципа максимальной централизации власти и недопущения к политическому процессу сил, способных подорвать сложившейся за долгие годы порядок. В этой связи различные оппозиционные элиты Ближнего Востока осуществляют свою деятельность из-за границы. Развитие информационных технологий позволило этим акторам значительно разнообразить инструментарий влияний на политический процесс ближневосточных государств. Начиная с 2010 года, когда регион накрыла волна политических потрясений («арабская весна») оппозиция стала все активнее прибегать к возможностям различных информационных ресурсов (сайты, соцсети, мессенджеры) для продвижения и усиления протестных настроений. Подобные практики наблюдались в Тунисе, Египте, Сирии, Турции, Ливии. В настоящее время многие лидеры ближневосточной оппозиции преимущественно осуществляют свою деятельность именно в информационном пространстве. Соответственно, уместно говорить о возникновении цифровых оппозиционных элит на Ближнем Востоке, которые становятся полновесными участниками современного политического процесса в регионе.

Методология

Основой работы послужили различные теоретические подходы к исследованию и определению политических элит в современном мире. В частности использовался принцип Р. Даля, который указывал на то, что рассредоточена между несколькими группами [Dahl, 1982]. В дополнение применялись подходы к трактовке цифровизации политического процесса [Filgueiras, 2022]. С целью понимания эволюции современной оппозиции автором рассматривались различные теоретические выкладки, связанные с ее сущностными характеристикам [Helms. 2021]. Также для определения роли информационных технологий в действиях оппозиционных сил применялось выделение пять фаз политической мобилизации по Ф. Ховарду, в рамках которых может существовать оппозиционный цифровой активизм [Howard, 2013]. При исследовании проблемы также используется принцип сдвига от модели «один-ко-многим» (традиционные каналы коммуникации) к «многие-ко-многим» (соцсети иные современные ресурсы связи) [Balbi, & Kittler, 2021]. С целью установления слабых сторон цифровой оппозиционной деятельности рассматривается гипотеза М. Гладуэлла о том, что онлайн-активизм создает «слабые связи» и не

может заменить высокорисковую активность в реальном мире, требующую иерархической организации [Pell, 2010].

Таким образом, привлеченный теоретический материал в совокупности с использованным фактологическим материалом позволил выявит особенности современных оппозиционных цифровых элит на Ближнем Востоке.

Становление цифровых политических элит на Ближнем Востоке: революции Twitter[1] и Facebook[2]

Возможности оппозиционных сил на Ближнем Востоке долгое время были ограничены набором традиционных механизмов воздействия. Вследствие этого долгое время власти государств региона достаточно эффективно могли контролировать и купировать их деятельность, что выражалось в широком распространении различных регрессионных механизмов [Salih, 2013, p. 188]. Однако серия волнений и переворотов в ближневосточных странах, начавшаяся в 2010, придала политическому процессу в регионе ряд новых черт, среди которых можно выделить и его цифровизацию.

События «арабской весны» привели ко многим политическим изменениям на Ближнем Востоке. Считается, что интернет, в частности социальные медиа, сыграли важную роль во время протестов. При этом следует отметить, что они стали не причиной, а важнейшим инструментом и катализатором волнений и революций в Египте, Тунисе, Йемене, Бахрейне, Ливии и т.д. Принято полагать, что критически важная функция информационных технологий во время арабских протестов заключалась в том, что они выступили в качестве: площадки для дискуссий (предоставление пространства для выражения недовольства и формирования оппозиционных нарративов); инструмента мобилизации (координация действий, быстрое распространение информации и преодоление страха); инструмент документирования («гражданская журналистика» создавала давление на режим внутри страны и на международной арене); «мост к мировому сообществу» (привлечение внимания мира и усиление давления на действующие власти) [Storck, 2011, p. 27]. Для иллюстрации влияния различных электронных средств коммуникации приводятся различные данные по Египту, где во время революции 2011 года наблюдался существенный всплеск активности в социальных сетях. Так, Школа государственного управления Дубая запустила проект под названием «Отчет об арабских социальных сетях». В нем представлена информация об онлайн-сфере на Ближнем Востоке. В выпуске за май 2011 года «Гражданские движения: влияние Facebook и Twitter» были проанализированы более 10 миллионов твитов. В сочетании с данными Facebook и Google этот отчет демонстрирует, как социальные сети и интернет использовались во время египетской революции. В докладе сообщается о росте использования этих интернет-ресурсов на 29% за

1 Заблокирован в РФ

2 Запрещен в России, принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской

период протестов. При этом большинство опрошенных пользователей использовали соцсети для политических целей [Arab Social Media Report, 2013].

Со своей стороны, наряду с указанными четырьмя ключевыми функциями информационных технологий в развитии протестных движений на Ближнем Востоке, мы предлагаем выделить формирование полноценных цифровых оппозиционных элит, которые сложились именно в результате частичной диджитализации политического процесса. В качестве примера можно привести онлайн активизм следующих знаковых для «арабской весны» фигур. Египтянин В. Гоним, будучи руководителем Google, был анонимным администратором страницы в Facebook «We Are All Khaled Said» (Мы все убили Халеда Саида), которая стала основным цифровым центром мобилизации протестов. Страница, названная в честь молодого человека, жестоко убитого полицией, публиковала доказательства жестокости государства, привела к организации первого протеста 25 января и стала основным источником новостей после того, как государственное телевидение утратило доверие. Также египтянин М. Эль-Барадеи: Лауреат Нобелевской премии мира и бывший глава МАГАТЭ выступил в качестве объединяющей символической фигуры для оппозиции. В своем аккаунте в Twitter он обратился к сторонникам и международному сообществу, призывая к демократическим переменам и осуждая насилие со стороны режима. Его возвращение в Египет во время протестов стало важным событием, которое координировалось и широко освещалось в интернете [Al-Quds Al-Arabi, 2019]. М. Джибриль – глава Переходного национального совета (ПНС), основного института ливийского восстания. Использовал интернет и международные СМИ для лоббирования иностранного признания и авиаударов. Хотя у ПНС были официальные представители, речи и интервью М. Джибриля, широко распространявшиеся в интернете, сыграли ключевую роль в представлении убедительной альтернативы М. Каддафи [Mezran, 2014, p. 88]. В Йемене Т. аш-Шами, являясь официальным представителем основной оппозиционной коалиции, использовал цифровые платформы для донесения позиций коалиции, обсуждения (и часто отклонения) предложений президента А. Салеха, а также для публикации заявлений в местной и международной прессе, которые затем распространялись в интернете [Wagner, & Gainous, 2013, p. 170]. В Бахрейне А. Абдулемам, известный блогер и основатель популярного онлайн-форума Bahrain Online, который был основным источником новостей и обсуждений без цензуры. Он был заключен в тюрьму правительством еще до восстания 2011 года. После освобождения во время первых протестов он продолжал быть символом цифрового инакомыслия, пока не был вынужден бежать из страны [Fibiger, 2020].

Помимо перечисленных персоналий в каждой ближневосточной стране были еще десятки политических фигур, которые сформировали реальные и достаточно влиятельные цифровые оппозиционные элиты, которые продолжают влиять на политический процесс в регионе. Далее мы остановимся на

наиболее влиятельных онлайн оппозиционерах современного Ближнего Востока.

Влиятельные оппозиционные онлайн активисты современного Ближнего Востока

В настоящее время, на наш взгляд, можно выделить три наиболее примечательных примера деятельности оппозиционных сил на Ближнем Востоке, которых можно отнести к оппозиционным цифровым элитам. Р. Пехлеви, изгнанный наследный принц Ирана и сын последнего шаха, стал заметной фигурой в иранском оппозиционном движении, используя цифровые инструменты и интернет-активизм для пропаганды смены режима и демократических преобразований в стране. Так, Р. Пехлеви утверждает, что более 50 000 приближенных к режиму лиц, включая военных и сотрудников служб безопасности, связались с ним через зашифрованные платформы, чтобы выразить готовность к перебежке [Iran International, 2025]. Также им проводятся регулярные кампании в социальных сетях: хештеги вроде #You_Represent_Me (Ты мой представитель) были в тренде в 2023 году, собрав более 390 000 подписей под петицией в поддержку Р. Пехлеви как временного лидера для демократического перехода [AC, 2025].

В Турции основу оппозиционной цифровой элиты составлял Ф. Гюлен, скончавшийся в 2024 году. Сейчас его дело продолжаю последователи. Движение Гюлена создало глобальную сеть школ, университетов, СМИ (например, газета «Заман») и предприятий, используя интернет для координации деятельности и распространения своей идеологии. Эти учреждения часто использовали цифровые платформы для продвижения межконфессионального диалога и образования, которые были основой учения Гюлена. Для онлайн-коммуникации движение использовало зашифрованные средства связи, такие как приложение ByLock, которое, по утверждениям турецких властей, использовалось гюленистами для секретной связи [Gunter, 2024]. Добавим, что последователи Ф. Гюлена активно прибегали к использованию социальных сетей для распространения информации, сообщений о нарушениях прав человека и поиска международной поддержки. Для этого создавались специальные хэштеги и онлайн-кампании. Несмотря на блокировки властями, СМИ, поддерживающие движение Гюлена, продолжают работать в интернете, предоставляя контрпропаганду государственным СМИ [Turkish Minute, 2024].

«Братья-мусульмане» в Египте достаточно рано осознали потенциал интернета, используя его для обхода государственной цензуры и прямого контакта с аудиторией. Они были одними из первых политических движений в арабском мире, использовавших интернет в качестве инструмента политической борьбы, которая включала в себя: многоязычные веб-сайты, социальные сети, зашифрованные средства связи. Необходимо также указать, что группи-

ровка прибегает к идеолого-политическим дебатам в цифровом пространстве о реформах, лидерстве и политической стратегии. Например, некоторые участники теперь выступают за роспуск или ребрендинг для обретения легитимности [Arab Center for Research an Studies, 2014].

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что власти ближневосточных государств стали активно не только подавать жалобы или блокировать антигосударственный контент, но и разрабатывать контрпропагандистские кампании против оппозиционных партий. Руководства стран Ближнего Востока интенсивно создают собственные нарративы, ставя под сомнение авторитет оппозиции и укрепляя государственную поддержку. Помимо этого наблюдается резкий рост числа законов, связанных с социальными сетями, которые позволяют властям принимать правовые меры против контента социальных сетей и его создателей [Anas, 2024].

Выводы

Развитие информационно-коммуникационных технологий стали важной составной частью современного политического процесса в странах Ближнего Востока. Наиболее явное выражение эта тенденция обрела в период «арабской весны», когда цифровые инструменты стали одним из основных катализаторов протестов в ряде государств региона. Параллельно начали оформляться полноценные цифровые оппозиционные элиты, чья деятельность во много связана с различными онлайн-площадками. В настоящее время оппозиционный интернет-активизм сконцентрирован в сфере предоставления альтернативных источников массовой информации, работе в социальных сетях, использовании зашифрованных каналов связи. В частности, подобный инструментарий широко применяется движением Гюлена в Турции, Р. Пехлеви в Иране и «группировкой «Братья-мусульмане» в Египте. Однако параллельно стремительно диджитализируются и контроппозиционные практики ближневосточных властей, что частично нивелирует возможности современных оппозиционных элит в регионе.

Список литературы

Anas O. Can Facebook and Twitter inspire another Arab Spring? // Middle East Eye. URL: https://www.middleeasteye.net/opinion/can-facebook-and-twitter-inspire-another-arab-spring

Arab Social Media Report. URL: https://www.arabsocialmediareport.com/home/index--primenuid-1-mnu-pri.html

Balbi G., Kittler J. One-to-one and one-to-many dichotomy: Grand theories, periodization, and historical narratives in communication studies // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 1-20.

Can Reza Pahlavi help unite the Iranian opposition? // Atlantic Council. URL: https://www.atlantic-council.org/blogs/iransource/can-reza-pahlavi-help-unite-the-iranian-opposition-a-hashtag-is-suggesting-so/

Dahl R. A. Dilemmas of pluralist democracy: Autonomy vs. control. New Haven: Yale University Press, 1983. 232 p.

Exiled prince says 50,000 insiders back Iran regime change // Iran International. URL: https://www.iranintl.com/en/202507264307

Fibiger T. Silencing the voice of Bahrain? Regime-critical media and Bahrain's London diaspora // Journal of Arab & Muslim Media Research. 2020. Vol. 13. № 1. P. 51-66.

Filgueiras F. The politics of AI: Democracy and authoritarianism in developing countries // Journal of Information Technology & Politics. 2022. Vol. 19. № 4. P. 449-464.

Gunter M. M. Turkish Civil Society // The Maghreb Review. 2024. Vol. 49. № 4. P. 321-334.

Helms L. Introduction: The nature of political opposition in contemporary electoral democracies and autocracies // European Political Science. 2021. Vol. 20. № 4. P. 569-579.

Howard P. N., Hussain M. M. Democracy's fourth wave?: Digital media and the Arab Spring. Oxford: Oxford University Press, 2013. 145 p.

Mezran K. Actors and factors in Libya's revolution // Political and Constitutional Transitions in North Africa. Routledge, 2014. P. 81-106.

Pell D. The Revolution Will Not Be Tweeted // NPR. URL: https://www.npr.org/sections/alltechconsidered/2010/09/29/130215057/the-revolution-will-not-be-tweeted-unless-it-is

Salih K. E. O. The roots and causes of the 2011 Arab uprisings // Arab Studies Quarterly. 2013. Vol. 35. № 2. P. 184-206.

Storck M. The role of social media in political mobilisation: A case study of the January 2011 Egyptian uprising // University of St Andrews, Scotland. 2011. Vol. 20. 58 p.

Turkey detains 56 in expanding crackdown on Gülen movement // Turkish Minute. URL: https://www.turkishminute.com/2025/06/17/turkey-detains-56-in-expanding-crackdown-on-gulen-movement/

Wagner K. M., Gainous J. Digital uprising: The internet revolution in the Middle East // Journal of Information Technology & Politics. 2013. Vol. 10. № 3. P. 261-275.

الإعلام المصري يحكم الحصار حول محمد علي وضرب تحت الحزام ضد وائل غنيم // القدس العربي. URL: https://www.alquds.co.uk/الإعلام-المصري-يحكم-الحصار-حول-محمد-عل/

من النشأة إلى السقوط: الأدوات الإعلامية لجماعة الإخوان المسلمين //Arab Center for Research and Studies. URL: https://www.acrseg.org/2644

References

Anas O. Can Facebook and Twitter inspire another Arab Spring? // Middle East Eye. URL: https://www.middleeasteye.net/opinion/can-facebook-and-twitter-inspire-another-arab-spring

Arab Social Media Report. URL: https://www.arabsocialmediareport.com/home/index--primenuid-1-mnu-pri.html

Balbi G., Kittler J. One-to-one and one-to-many dichotomy: Grand theories, periodization, and historical narratives in communication studies // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 1-20.

Can Reza Pahlavi help unite the Iranian opposition? // Atlantic Council. URL: https://www.atlantic-council.org/blogs/iransource/can-reza-pahlavi-help-unite-the-iranian-opposition-a-hashtag-is-suggesting-so/

Dahl R. A. Dilemmas of pluralist democracy: Autonomy vs. control. New Haven: Yale University Press, 1983. 232 p.

Egyptian Media Enforces a Siege Around Mohamed Ali and Hits Below the Belt Against Wael Ghonim. Al-Quds Al-Arabi.

URL: https://www.alquds.co.uk/الإعلام-المصري-يحكم-الحصار-حول-محمد-عل/ (in Arabic).

Exiled prince says 50,000 insiders back Iran regime change // Iran International. URL: https://www.iranintl.com/en/202507264307

Fibiger T. Silencing the voice of Bahrain? Regime-critical media and Bahrain's London diaspora // Journal of Arab & Muslim Media Research. 2020. Vol. 13. № 1. P. 51-66.

Filgueiras F. The politics of AI: Democracy and authoritarianism in developing countries // Journal of Information Technology & Politics. 2022. Vol. 19. № 4. P. 449-464.

From Rise to Fall: The Media Tools of the Muslim Brotherhood. Arab Center for Research and Studies.

URL: https://www.acrseg.org/2644 (in Arabic).

Gunter M. M. Turkish Civil Society // The Maghreb Review. 2024. Vol. 49. № 4. P. 321-334.

Helms L. Introduction: The nature of political opposition in contemporary electoral democracies and autocracies // European Political Science. 2021. Vol. 20. № 4. P. 569-579.

Howard P. N., Hussain M. M. Democracy's fourth wave?: Digital media and the Arab Spring. Oxford: Oxford University Press, 2013. 145 p.

Mezran K. Actors and factors in Libya's revolution // Political and Constitutional Transitions in North Africa. Routledge, 2014. P. 81-106.

Pell D. The Revolution Will Not Be Tweeted // NPR. URL: https://www.npr.org/sections/alltechconsidered/2010/09/29/130215057/the-revolution-will-not-be-tweeted-unless-it-is

Salih K. E. O. The roots and causes of the 2011 Arab uprisings // Arab Studies Quarterly. 2013. Vol. 35. № 2. P. 184-206.

Storck M. The role of social media in political mobilisation: A case study of the January 2011 Egyptian uprising // University of St Andrews, Scotland. 2011. Vol. 20. 58 p.

Turkey detains 56 in expanding crackdown on Gülen movement // Turkish Minute. URL: https://www.turkishminute.com/2025/06/17/turkey-detains-56-in-expanding-crackdown-on-gulen-movement/

Wagner K. M., Gainous J. Digital uprising: The internet revolution in the Middle East // Journal of Information Technology & Politics. 2013. Vol. 10. № 3. P. 261-275.